

Мансуров Андрей

18+

Конан и Пришелец из другого Мира

Приключенческое фэнтези

Андрей Мансуров

**Конан и Пришелец
из другого Мира**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Мансуров А. А.

Конан и Пришелец из другого Мира / А. А. Мансуров —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Конан-киммериец слишком известный герой, чтоб пытаться как-то изменить его классический образ. Поэтому я старался соблюдать традиции: невероятные и опасные приключения, злобные монстры, колдун, интриги, верные друзья, красавица... Всё это здесь есть, и я желаю всем поклонникам походов знаменитого варвара интересного чтения!

© Мансуров А. А., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

– Клянусь кишками Эрлиха, Конан, я видел всё сам – ясно и чётко! Вот, как тебя сейчас вижу! И должен тебе сказать, что страшней *этого* я ещё ничего не видал! – покрасневшее лицо, выпученные глаза, кривящийся и брызжущий капельками слюны рот, порывистое дыхание и сжавшиеся так, что аж побелели, кулаки Велемира, сказали киммерийцу, что его старый товарищ по похождениям на «Вестреле» и правда – верит, что всё, что он успел рассказать – было!

Похоже, что он действительно – видел что-то. Что-то такое, что пробрало его зачерствевшую и не обременённую особым воображением душу до самого дна.

Жаль только, что он не умеет вести рассказ не сбивчиво, перескакивая с события на событие, а так, чтоб можно было увидеть последовательность этих самых событий. И их связь. Да и ладно. Просто, значит, для того, чтоб выяснить то, что сейчас интересует Конана, придётся задавать наводящие вопросы. Но для начала – самое главное: жидкость, придающая лёгкость самому процессу рассказывания.

– Ну и дела, клянусь селезёнкой Неграла... – Конан покачал головой, – Эй, Юркисс! Мардук, что ли, поселился у тебя в погребе, что ты боишься туда лезть?! Почему у нас до сих пор нет свежего вина?! Ну, того, из Коринфских виноградников, а не этой дешёвой подделки из Кофа? Ну-ка, быстро! А то мы сами спустимся, и найдём! Перепробовав, конечно, все бочки, что там у тебя!..

– Сию минуту, Конан! Пожалуйста, прошу тебя: не надо никуда спускаться и ничего дегустировать! – шустрый трактирщик-зингарец по имени Юркисс на зычный голос варвара прибежал так, словно за ним черти гнались! А ещё бы: однажды, месяца полтора назад, в самом начале их знакомства, когда Конан и правда, спустился в погреб, не вставленные на место затычки, которые варвар просто выбивал, подставляя, чтоб «не заморачиваться» с кружками, под струи «бездонную» глотку, трактирщику этот визит запомнился надолго. Вылившаяся жидкость на три дня превратила тёмное сырое помещение с низким потолком в противно чавкающее под сапогами болото. Спёртый и воняющий кислотой воздух которого от экзекуции над бочками, разумеется, суше и ароматней тоже не стал. – Вот, посмотри: я уже принёс всё, что вам нужно! Коринфское!

Действительно, в обеих руках толстячка было зажато два горлышка вожделенных кувшинов изящной пузатенькой формы, приятно ласкающих горячие жаждой взоры Конана и его бывшего напарника.

– Неплохо, а то я уж было...

– Прошу тебя, Конан, не нужно! Это именно оно, то самое вино, которое тебе тогда так понравилось! Клянусь, как ты говоришь, селезёнкой Неграла! – пока Юркисс разливал недрогнувшей рукой вино по огромным кружкам – скорее уж, целым жбанам – Конан подумал, что если он проведёт в Силенсии, столице небольшого государства Тюринфии, ещё пару месяцев, клясться селезёнкой Неграла начнут вслед за Юркиссом, его женой, и их многочисленными отпрысками, ещё и годовалые младенцы в колыбелях.

Но в планы киммерийца вовсе не входило задерживаться здесь настолько.

Нет, судьба вольного наёмника полна приключений, и путешествий! Ведь сидя на месте, словно какой-нибудь ремесленник, землепашец, или тот же трактирщик, наёмник-воин работы не найдёт. Значит, он должен сам искать места, где имеется работа именно для него. Работа, которая не по плечу землепашцу, ремесленнику, чиновнику. Ну, или государственному войску.

Так что как только закончатся деньги за очередную, уже сделанную, работу, варвар снова отправится. В путь. Но пока...

Станный рассказ бывшего товарища очень заинтересовал Конана.

Хотя бы тем, что султану того крошечного султаната – Порбессии – на побережье Ритонийского залива, где и пострадал его друг, помощь прожжённого, и ни богов ни демонов, ни тёмного колдовства стигийских магов не боящегося наёмника, уж точно – не помешает! То есть – вот она, буквально сама идёт в руки: новая работа!

Конан поднял кружку:

– За тебя, Велемир! Ты даже не представляешь, как я рад тебя встретить! Давненько, уж почитай, года два, я не видал никого из наших! Хотя знаю, что кое-кто ошивается в портах поблизости... Хотя, как и я, предпочли уже завязать с плаванием! А кое-кто так и вообще – «остепенился»! Завёл жену, дом, детишек... Так что повторяю: я рад тебя видеть. И чертовски рад, что ты остался цел, и здоров. Ну, почти. А палец... Палец – тьфу! Такая мелочь при нашей-то работёнке вообще – не в счёт!

– Как это – не в счёт?! – товарищ Конана, поставив локоть на стол, уставился на то место, где у него вместо мизинца на левой руке имелось только наличие полного отсутствия означенной части тела, да и доброй четверти ладони, почти до запястья, и пучились складки и шрамы от кое-как сросшейся кожи, – Я очень любил его. Мой мизинец. Был к нему, можно сказать, трогательно привязан!

Оба сотрапезника некоторое время молчали, уставившись на утратившую столь «любимый» предмет кисть. Затем Конан оглушительно заржал:

– Чтoб мне лопнуть! Отличная шутка! А ты молодец, Велемир – смотрю, чувства юмора не потерял! – после чего хлопнул друга огромной лапой по не менее огромному плечу, и опрокинул в глотку ёмкость с веселящей жидкостью.

Велемир, который и сам ржал так, что с прокопченных балок потолка старинного, насквозь провонявшего потом, горелым маслом и кислым вином трактира стали отваливаться хлопья прокопчённой насквозь паутины, последовал примеру варвара: осушил свою кружку до дна. Довольно крикнул – похоже, вполне оценил выбор вина.

Тотчас, словно по мановению волшебной палочки, кружки оказались наполненными вновь: правда, на этот раз не лично Юркиссом, а одним из его многочисленных отпрысков, которых он не стеснялся использовать в качестве прислуги и obsługi, до глубокой ночи, и многих из которых Конан уже знал по имени:

– Молодец, Браско! Смотрю, ты малый ловкий и схватываешь на лету! Сбегай-ка, посмотри: не готово ли ещё наше мясо!

Как только спина восьмилетнего пацана скрылась за косяком кухни, Конан взглянул на Велемира. Но теперь в его глазах не было и тени веселья:

– Заинтриговал ты меня, Велемир-коринфиец. Но тут так шумно – боюсь, я прослушал и упустил кое-какие важные детали. Не обидишься, если я попрошу тебя ещё раз рассказать мне про кое-какие моменты из твоего удивительного приключения? – Тут Конан поднялся на ноги, и громко, так, как когда-то раздавал на палубе команды в бурю, сказал:

– Доброго вам вечера, да хранит Мирта Пресветлый всех присутствующих! Уважаемые гости нашего дорогого Юркисса! Прошу вашего драгоценного внимания! Я встретил старого друга. И мы хотели бы поговорить по душам. Могу я попросить вас говорить чуть тише?!

Мгновенно наступившая тишина сказала Велемиру, что за те полтора месяца, что его друг-варвар здесь, уважать его научились все – до последней дворовой собаки! Так что то, что многонациональная и разномастная толпа примерно из пятидесяти постояльцев, и пары десятков их гостей и знакомых, заполнявшая сейчас огромный общий зал первого этажа трактира, притихла, и никто и не подумал возразить или повысить голос, несколько Велемира не удивило: на то Конан и капитан корсаров, пусть и бывший, чтоб ему подчинялись быстро. И беспрекословно!

– Благодарю, друзья! За ваше здоровье! – Конан поднял кружку, обведя ей и глазами зал, выпил до дна. Ответом на его тост были вполголоса сказанные слова вроде: «И ты будь здоров, Конан-киммериец!», «И тебе того же, Конан!», «Да хранит и вас с другом Мирта Пресветлый!»

Конан сел. Гул, разумеется, возобновился, но теперь это был вот именно – просто гул, не мешавший мирному течению их беседы, а не жуткий рёв и гвалт, что стояли здесь только что. Велемиру бросилась в глаза обеспокоенная и красная от жара печей и плиты физиономия

хозяина трактира, высунутая из кухни: его явно насторожила наступившая после оглушительной разноголосой какофонии тишина. Но быстро поняв, в чём дело, физиономия так же быстро скрылась назад. Прочсть, что на ней проступило видимое облегчение, труда не составило.

Велемир, осушив свою кружку, непринуждённо рассмеялся:

– Клянусь красотой Ишшагетт, умеешь ты вызывать к себе уважение, Конан!

– Делаю, что могу. Правда, должен признаться, здесь это не трудно: ведь тут сейчас только торговцы скотом, несколько караванщиков, да простые ремесленники и землепашцы... Не сезон для купцов с солидной, вооружённой, и тоже любящей почесать кулаки, свитой. И ни единого – ну, кроме нас с тобой! – наёмника! А то бы дело точно кончилось доброй дракой! – Конан мечтательно подвёл глаза к потолку.

– Ну, что касается доброй драки, то вот чего нам всегда хватало на «Вестреле», так это – как раз этого дела! И если б ты... Ты-то почему ушёл от ребят и с корабля?! Ведь отлично же всё было?!

– Ушёл потому что ушёл. Понял, что пресытился я морем. Но не в этом дело, Велемир, – Конан поспешил перевести разговор от неприятной ему темы, – Расскажи лучше, как ты в эту чёртову Порбессию-то попал?

– Как попал, как попал... Будто ты не знаешь, Конан, как наш брат наёмник попадает туда или сюда?! – Конан понимающе кивнул, на что вполне удовлетворённый Велемир всё же нашёл нужным пояснить, – Остался без гроша в кармане, вот и попал. Его идиотское Высочество, Бетани-бек, вазир его Величества Мехмет-оглы Шестого, издал указ. О том, что даже амнистирует тех, кто содержится в тюрьмах султаната, если кто из них согласится вступить в отряд, как он его назвал, «освободителей»! И посулил деньжат – ого-го!..

– Хм-м... – Конан, поняв по расстроенному виду напарника, брови которого сошлись на переносице, что тому не помешало бы усилить желание к рассказу традиционным методом, сделал знак рукой. Не прошло и двух секунд, как ещё один шустрый сынуля Юркисса, на этот раз – одиннадцатилетний Халед, уже наполнял их кружки. Велемир сделал добрый глоток, но продолжить почему-то не торопился, устремив взор куда-то в тёмный угол трактира, очевидно что-то особо страшное и неприятное вспомнив. Конан даже увидел, как напряглись, заходили под кожей, желваки на скулах друга. Варвар спросил:

– Скажи, Велемир... Я вот что-то не пойму: а почему это указ издал не сам султан Мехмет Шестой, а его вазир?

– А-а, ну, с этим-то просто... Сам его Величество тогда лежал с приступом малярии, и вазир просто составил фармон... Ну, указ – по его приказу. И велел огласить на улицах и площадях. А сам султан только подписался под ним.

– Ага, понятно. Впрочем, сути дела это не меняет. И много нашлось из тамошних узников желающих вступить?

– В отряд-то? Ага, нашлось – два раза! Ни одна зар-раза из сидящих в «уютных» и «роскошных» зинданах его Величества не согласилась. К тому времени просто... Все уже, даже узники, были наслышаны. О чёртовом существе. Или маге, Бэл ему в селезёнку. И только такие как я, человек пятнадцать ошивавшихся тогда в городе наёмников, ну, и ещё пара-тройка местных бандитов-головорезов, как бараны – польстились...

– Понятно... Но что же дальше-то было? Ну, после того, как вы залезли-таки в эту пещеру? Ведь вы – залезли, я правильно подумал?

– Залезли Конан, залезли. Хоть нас и осталось тогда после схватки со стражей входа и отрядом привратников только девять безбашенных дебилов. Уже без polegших в битве местных головорезов, и кое-кого из наших. Ах да – забыл сказать, что уж вазир-то не забыл снабдить наш обоз немалым количеством бурдюков с добрым вином, правда, из местных виноградников – дешёвым. Но на вкус очень даже... Так что вот чего нам всегда хватало – так это подкре-

питься добрым глотком взбадривающего и освежающего. Для вящей, так сказать, храбрости!.. Вот и решились. Залезть.

Конан подумал, что этот попутно выяснившийся факт очень сильно снижает ценность и достоверность рассказа, но вслух ничего такого говорить не стал, вместо этого кивнув, и выжидательно глядя в глаза коллеги. Тот, вспомнив, что вино имеется и здесь, и снова отпив для вящего улучшения памяти, опять насупил брови, сердито глядя в столешницу перед собой – будто хотел прожечь в ней дырку. Затем всё же перевёл взор снова на варвара:

– Так вот, полезли, говорю, добив последнюю тварь, и поотрубав на всякий случай их чёртовы головы, чтоб больше не воскресали, внутрь пещеры. Вдвоятером. – тут Велемир опять насупился, дёрнул щекой, и даже покусал свои губы – словно снова переживал неприятные и жуткие моменты приключения. – Лаз неширокий, только-только разойтись двоим, и жутко вонючий, вёл всё время вниз. Пахло там... Как бы это... Не к столу будь сказано – дерьмом, мертвечиной, и плесенью! Гиблое, как я сразу подумал, место.

Вот идём парами, цепочкой, за нашим главарём, и тут я слышу, как парень, который шёл рядом с ним, как-то странно вскрикнул! Вот, думаю, Мардук его задери, козёл: сейчас выдаст наш подход, и лишит наше нападение внезапности!

Но дело оказалось куда хуже: он так «странно» вскрикнул, оказывается, оттого, что ему в горло под подбородком вонзили наконечник копья, и этот наконечник вышел из шеи прямо у позвоночника! Я ещё подумал: не иначе как сволочь, воткнувший это остриё, притаился за углом, у выхода из тоннеля, и копьё длинное! И точно: остриё почти сразу исчезло: выдернули его! Ну, смотрим, на внезапность больше рассчитывать не приходится, и как ломанули все вперёд! Мечами вращаем, дикие крики издаём – чтоб, значит, напугать! Ага, напугали – чёрта с два!

Там, в огромном зале, почитай, раз в пять большем, чем вот этот чёртов трактир – проклятых тварей видимо-невидимо!.. Хотя, впрочем, нет: там как раз их было не так много – не больше пары дюжин. Обступивших выход из жерла. Ну, этих-то мы поубивали мечами и саблями легко. Потому что копьё было, оказывается, только у одного, с особенно противной рожей, ну, вернее мордой. И его-то я лично зарубил. Первым. Да и ростом ящеры всё-таки оказались ниже, чем те, что встретили нас у входа в пещеру. Те были просто какие-то отборные: не ящеры, а настоящие крокодилы! Но и эти – тоже живучие оказались, гады! Приходилось буквально располовинивать их на куски, чтоб даже частично отрубленные конечности – не прирастали сразу обратно! Или новые взамен отрубленных не вырастали – буквально прямо на глазах!

Дикое, должен сказать, зрелище было... Я только успевал молиться про себя, да рубить, молиться, да рубить... Не хотел бы когда-нибудь снова столкнуться... – Велемир снова стиснул зубы, но взял себя в руки, и продолжил, – Но убили и этих – как и тех, снаружи. Убили, и уже сразу поотрубили головы всем!

Однако недолго нам пришлось наслаждаться своей победой.

Потому что в пещере вдруг раздался громкий голос. Говорил он на местном диалекте – на порбесском варианте туранского, стало быть. А в туранском я до сих пор не слишком силён. Поэтому я не все слова понимал – и, как оказалось, на своё же счастье!

Потому что те, кто понимал, почти сразу позастывали, словно студень в холодце, и так и остались, словно прикованные к полу, где кто стоял – как в трансе! Как будто больше не владеют – ни своим телом, ни своим разумом!

И не прошло и минуты, как попадали из их ослабевших и разжавшихся рук мечи да сабли – теперь я думаю, это тот монстр-маг им приказал бросить оружие... – Велемир, снова помрачнев, уставился на этот раз на парочку весёлых девиц, подбивавших клинья к подвыпившим загорелым дочерна мужчинам, по виду скотоводам, у соседнего стола, но явно ничего проис-

ходящего там не видел. Конан решил всё же вернуть собеседника снова в трактир Юркисса, оторвав от картин, что рисовала его память:

– А как ты там всё окружающее видел? Пещера же? Должно быть темно, как в заднице у Эрлиха!

– Да, точно. Должно было быть. Но я как-то... А, да: вот сейчас, когда ты спросил, я вспомнил, что имелись там на стенах железные держакИ с факелами – света хватало.

– Значит, говоришь, ты не все слова понимал? Ну а всё-таки: хоть что-то понимал?

– Ну... да. – Велемир словно выплыл из пучин океана кошмаров, что рисовала память, снова придя в себя, – Кое-что, конечно, понимал! Так, в самом начале, голос что-то приказал моим напарникам. По-моему, внимательно слушать, и не двигаться. Они и застыли. А потом он наверняка приказал им бросить оружие, и не сопротивляться: здесь, мол, никто им зла не причинит. Наоборот: сейчас они познают райское блаженство, и отправятся напрямик в Царство Вечных Наслаждений! Нужно лишь не противиться, и внимательно слушать! И выполнять всё, как скажет голос. Ну, это я тебе примерный перевод говорю, Конан. Да и то: осознал я смысл сказанного только потом, когда всё уже закончилось. К счастью для меня – благополучно. Ну, почти.

Но – не к счастью для этих семерых оставшихся в живых, и заколдованных голосом, бедолаг!

Тут из кухни вынесли, наконец, и торжественно пронесли по центральному проходу вождёльное блюдо с зажарившимся на вертеле целым барашком, и два улыбающихся во весь рот мальчика, еле дотащившие тяжеленную ношу до стола Конана, вздохнули с облегчением только поставив аппетитно пахнущее и дымящееся кушанье посреди этого стола. Конан почуял, как словно сами по себе жадно зашевелились его ноздри, и потекла слюна в глотку:

– Мардук его задери! Пахнет восхитительно! Спасибо, Халед, Рашид! – он кивнул мальчишкам, после чего сделал приглашающий жест ладонью сотрапезнику, – А ну-ка: Велемир! Попробуем теперь на вкус! Увидишь, прав ли я был насчёт кулинарных способностей нашего радушного хозяина!

Некоторое – довольно продолжительное! – время беседой за их столом и не пахло, хотя остальные посетители трактира даже и не думали снова начать повышать голоса. И пока большая часть кушанья, оказавшегося и правда – на высоте самых изысканных гастрономических критериев, не оказалась уничтожена, никто из напарников и не подумал вернуться к рассказу.

Но вот почти весь молодой барашек, превратившийся в обглоданные кости, перекочевал на специально приготовленное второе блюдо, а Конан и Велемир утирали жир с рук и со ртов заботливо предоставленными в их распоряжение Юркиссом тряпками. Сам же подбежавший, как только увидал, что Конан с товарищем завершили трапезу, толстенький трактирщик, заискивающе склонился в поклоне:

– Надеюсь, уважаемый Конан-киммериец, и вы, его уважаемый гость, остались довольны тем, как мои помощники нашпиговали салом, инжиром и диким чесноком, и натёрли благовонными травами этого барашка?

– Да. – Конан не счёл нужным скрыть увесистой отрывки, – Уж если ты и твои помощнички чего и умеете, так это – придать даже обычному жаренному барашку исключительный аромат и привкус! Клянусь селезёнкой Неграла, барашек отменный! Велемир?

– Да, лопни моя печень, если мне доводилось где ещё пробовать столь хорошо пахнущее, нежное, и равномерно прожаренное мясо! А сало и дикий чеснок – так и вообще: сказка! М-м!.. Всё так и тает во рту! Само!

– Отлично. Юркисс, сегодня ты – молодцом! Не забудь включить в счёт отдельную графу: за чёртов аромат и нежность!

Оба напарника, выделявшиеся яркой колоритной внешностью среди действительно тщедушных и словно пропылённых, рядовых посетителей, как выделяются боевые корабли сатрапа

Вездегдета среди утлых рыбацких лодок, оглушительно заржали. Юркисс, поинтересовавшись, не нужно ли уважаемым господам ещё чего, и поулыбавшись одними губами, поспешил раскланяться, и удалиться. Конан запрокинул голову, влив в глотку очередную добрую порцию вина. Велемир поспешил повторить движение варвара:

– Чтоб мне провалиться, а этот Юркисс... Действительно умеет готовить! Барашек и правда – буквально таял во рту! Так не готовили даже в кабаках Массантии!

– Пожалуй. – Конан скромно улыбнулся, словно в мастерстве приготовления имелась и его заслуга, – Но ты остановился, якорь мне в глотку, на самом интересном месте! Я прямо горю нетерпением узнать – как же ты выжил-то, если всех остальных словно лишило воли и парализовало?

– О-о, это было нетрудно. Только вот мерзко до дрожи. – на чело Велемира снова будто набежала тень, и брови опять сошлись над переносицей, – Моей заслуги, если честно, в этом нет. Мне просто повезло: говорю же – хорошо, что я очень плохо владел местным диалектом. А остальных команды голоса заставляли буквально – становиться безропотными и слепо готовыми на всё рабами! Но не это было самым страшным! А то, что последовало потом – после того, как мои компаньоны замерли, словно живые статуи!

Тут Велемиру пришлось снова промочить горло: не то – для храбрости, не то – для того, чтоб подобрать слова, произносимые уже слегка заплетающимся языком.

– Ну вот, как я и сказал, все мои напарники, побросав сабли и мечи, застыли на месте – словно приросли к полу! – напарник повторялся, но Конан решил не мешать: вдруг вспомнит ещё какие интересные подробности, – А я почему-то решил, что для меня будет лучше, если я лягу, и отползу назад – в тёмное жерло входного тоннеля. Там мне казалось безопасней. Ну, сам знаешь: есть у нас, настоящих воинов, этакий... внутренний голос!.. Ык!.. – Велемир раскатисто рыгнул, – Который говорит, что лучше сделать. Чтоб лучше выяснить... ситуацию. А уж только потом бросаться в бой! Не безоглядно, а – вот именно! – с пониманием. Ситуации. И подготовленным.

– Точно! Точно, Велемир: без этого инстинкта, без этого внутреннего голоса – мы бы точно не дожили бы... До этого момента! Но прости – я опять перебил тебя!

– А ничего, Конан. Я как раз собирался перевести дух. – как бы в подтверждение этих слов Велемир опрокинул в глотку очередной оказавшийся сам собой вновь наполненным, сосуд с вином. Конан поспешил последовать его примеру.

– Так вот. Застыли, говорю, мои горе-напарнички, словно мухи в янтаре – никто даже пальцем, по-моему, пошевелить не мог, когда наконец появился этот... Обладатель этого самого... Голоса. Это... Не знаю, как назвать-то правильно! Нет, он однозначно не был человеком – скорее, человекоподобное существо! Но какое!..

Он показался мне ещё больше, чем те, наружные, стражи – такой, мать его, крокодилице!.. Весь в сверкающей чешуе – словно его намазали маслом. Две руки заменяли две мощные лапы – похожие, конечно, на руки, но куда более сильные и мускулистые! Я бы оценил их толщину с... пожалуй, твою ногу, – Велемир, обводивший пространство трактира ищущим взором, наконец нашёл подходящий пример, ткнув пальцем, – А ноги... Хм-м... Вот сейчас думаю, что ноги были куда короче наших. Но тоже – мускулистые, сильные: словно у медведя из джунглей Пунта! А уж голова...

Голова, собственно, была почти такая же как у нас с тобой – запомнились глаза. Такие, знаешь, умные и пристально глядящие... Осмысленные – а не как у стражей или воинов-ящеров. А вот вместо волос на голове имелись только чешуя да какие-то шипы – кстати, вот поэтому он и похож был на крокодила! Но рот... Скорее – пасть на чуть вытянутой вперёд морде. Да, пасть тоже, пожалуй, напоминала крокодилию – от уха до уха. Как, вот именно – у крокодила. – Велемир запнулся, явно пытаясь подобрать сравнение, – Ну, или как у степного варана: широкая, зубастая. Да, вот: зубы: когда это существо открыло рот и заговорило, я уви-

дал треугольные острейшие резцы: дюйма по два точно! Язык, правда, такой же, как у нас: розовый, небольшой. Не раздвоенный, как это бывает у ящериц или змей. Наверное, это было сделано для того, чтоб эта тварь могла хорошо изъясняться на нашем, человеческом, языке.

Ну, вот она, встав посередине пещеры, и обведя всех «замороженных» этаким ликующе-торжествующим взором, и убедившись, что все застыли, сказала:

«Опуститесь на колени, избранные! Сейчас вам предстоит церемония вступления в Братство! Будьте готовы принять этот чудесный дар и возрадуйтесь! Сейчас вам дадут выпить Божественный Нектар Преобразования!» – ну, это я примерно повторяю то, что понял. Может, там упоминался и не нектар, и не божественный, но то, что им дадут сейчас что-то выпить – это точно!

– И... что?

– Да вот – то! Так и произошло. Все мои балбесы, словно овцы на бойне, опустили. На колени. А тварь эта сняла с пояса небольшой кувшин... Нет, пожалуй, правильней сказать – бутылку! Потому что этот сосуд был из стекла, прозрачным, и внутри, я видел, переливался, таким, знаешь, густо-синим цветом, какой-то напиток. Ну вот, тварь подходила к этим идиотам, и требовала от каждого открыть рот, и запрокинуть голову. Те и запрокидывали. А она – вливала. Как мне кажется – не больше, чем по несколько капель. Потому что к тому моменту, как она закончила, жидкости в бутылки почти не убавилось...

Но и того, что попало в рот, и тварь заставляла каждого проглотить его, оказалось достаточно. Потому что вскоре началось...

Вот тут, Конан, пробрало и меня! А ты меня знаешь – я не слишком робкого десятка, и в доброй драке – всегда в первых рядах!.. – напарник чуть задохнулся, и Конан поспешил кивнуть, не отрывая взора от горящих, словно уголья, глаз рассказчика, – Словом, прошибло меня холодным потом, и волосы на затылке дыбом встали! Потому что началось тут, буквально через несколько минут, такое!..

Конан, уже примерно догадавшийся, о чём пойдёт речь дальше, снова кивнул. Теперь он даже чуть наклонился через стол, потому что чуял: сейчас начнётся главное!

И точно.

– Помнишь, я описывал этих тварей, что охраняли вход в пещеру? Большие, наверное, фунтов под двести. Те, что встретились нам внутри, уже были поменьше – фунтов так на сто пятьдесят, я думаю. Ну а как они получаются такого размера и веса, я узнал не больше, чем через пять минут после того, как эта тварь влила свой тварий напиток в глотки моим горе-напарникам!

Попадали они все на пол, и стали корчиться: словно в предсмертных муках! А уж орали!.. Сохрани меня Мирта Пресветлый ещё когда услышать такие вопли!.. Я было так и подумал вначале: предсмертные! А ещё подумал – вот ведь мразь! Не может даже просто убить пленных по-человечески, а хочет, чтоб люди помучились перед смертью!

Как я ошибся...

Быстрее всех преобразовался Халед – ему, кажется, напиток достался первому, да и полегче он был всех моих сотоварищей по этому делу. Смотрю, разрывает он, корчась и вопя, рубаху на груди, и сапоги у него... Рвутся! Расползаются! Сами! А потом треснули и лопнули в разных местах и штаны! А ногти на руках... Вытянулись, словно стилеты!

И к концу всего этого скотства оказался передо мной точно такой же монстр, как нападали на нас у входа, и внутри: огромные зубы в разверстой пасти, короткие мускулистые ноги, огромные волосатые руки-лапы с трёхдюймовыми когтями... Словом – копия той сволочи, что только что опоила их своей дрянью из бутылки, только размером поменьше – как детёныш всегда мельче матери... Пока маленький.

Велемир оторвал фанатично блестящий взор от глаз Конана, но только для того, чтоб найти кружку, которую тут же и опрокинул себе в глотку. Шустрый Браско, неизвестно как

сумевший подобраться к ним так, что даже поглощённый рассказом Конан не заметил, тут же наполнил опорожнённую кружку из нового кувшина вновь – доверху. Велемир же вздохнул:

– И угораздило же меня тут заорать, как резанного! Потому что один из тех гадов, которых мы, вроде, добились уже тут, внутри, умудрился подползти, истекая кровью, и пользуясь для ползания обрубком одной лишь передней лапы, и вцепиться мне своими зубищами прямо в кисть! Конечно, я заорал, как резанный – от неожиданности! Да и очень уж очень больно было: не смог удержаться! Тварь, что как раз закончила наблюдать за этим самым с...ным «преображением», вскинулась, заорала:

«Хватайте его! Убейте! Не дайте ему уйти!» – ну, смысл был такой.

И тут все мои бывшие напарнички как кинулись... Прямо на меня! А уж смотрели... Как стая волков зимой на отбившегося от своих оленёнка!

Правда, вот движения у них были какие-то... Ещё неуверенные! Похоже, не освоились ещё со своим «преображённым», новым, телом! Только это меня, Конан, и спасло! Потому что уже бежали, выскакивая откуда-то из глубины пещеры, другие твари, видимо-невидимо, и если б не мои бывшие, столпившиеся перед жерлом, и затормозившие этих, набежавших, сцапали бы меня как миленького!

Потому что мне пришлось вначале, чтоб избавиться от твари, вцепившейся мне в кисть, рассечь мышцы её проклятушей челюсти, что в мою руку впиалась мёртвой бульдожьей хваткой, своим верным кинжалом: разжать её зубы я при всём желании не мог! Ну, заодно, как оказалось, отрезал себе и пару фаланг мизинца сгоряча – только позже, уже снаружи, заметил... Но уж больно страшно мне стало, Конан! Ты можешь не поверить, но тебе-то я могу сказать: ты поймёшь! Потому что одно дело, когда в бою против тебя – пусть матросы, пусть воины чёртова Вездигдета, или бедуины-пустынники, или там туранцы какие, но – *люди*!

И совсем другое – когда заколдованные прямо на твоих глазах из людей – твари! Безмозглые, и уже слепо подчиняющиеся Хозяину! И не жалеющие ради него ни своей, ни чужой жизни!

Словом, к тому времени, как я освободил руку, и добил проклятую тварь с обрубком лапы, мои бывшие напарнички были в двух шагах от меня. И спасло меня тогда только то, что ринулся я к выходу так, как никогда ни до этого, ни после, не бегал!

А, ну, и ещё то, что застряли они в тоннеле, как пробка перегородив его проход для тех, что бежали за ними из глубины, и были куда шустрей! Да и ноги-то у тварей всё-таки покороче, чем мои, и не помогает это им, даже когда они бегут на всех четырёх! – Велемир похлопал себя по ляжкам, Конан поймал себя на том, что и сам хмурит брови. Он поспешил вернуть их в нормальное положение:

– Наверное, твари гнались за тобой и после тоннеля? Пока не потеряли из виду?

– Точно, Конан, гнались! Да и не видя меня, они словно ищейки – шли по следу! И если б я не добежал до того места, где мы оставили лошадей, и не смог вскочить в седло – не беседовали бы мы сейчас с тобой. Хвала Мирте Пресветлому, когда до этого места добежали мои бывшие компаньоны, и те твари, что были с ними, остальных несчастных животных пробрал такой ужас, что посрывались они с привязи, да кинулись врассыпную – твари не смогли поймать ни одной лошади! Вот так и удалось мне... Спасись.

Да и то сказать: еле перевёл дух, как чую: слабею прямо с каждым вздохом. Я посмотрел: точно! Истекаю кровью – хлещет, проклятая, настоящим фонтаном, и залила уж всю холку моего коня! Чёрная такая!.. Блестит в свете луны. Да что ж, думаю, такое: неужели вот так вся и выльется?! Не-ет, шалишь: не на такого напали!

Достал я верёвку из седельной сумки, да и перевязал себе туго-туго запястье прямо на всём скаку! Ну, хлестать-то перестало...

Но когда посмотрел, что стало с пальцем – чуть сознание не потерял! Кожа висит лохмотьями, да мясо вылезает наружу! Само! Прямо на глазах! И опухает!

Ну, я долго думать не стал: остановил коня у какого-то пня замшелого, быстро привязал к какому-то сучку, чтоб не остаться без последней своей надежды. Положил руку на пень, размахнулся как следует – благо, секира у меня при себе осталась, я даже не вынул её из седельной сумки, чтоб зря не мешала, когда мы пошли к пещере...

Так, в запале, и отхватил себе чуть не полкисти! Да вон: ты и сам видишь!

Действительно, Конан ещё в первый раз заметил, что мизинец «вырублен» «с корнем» – вместе с частью ладони. Вырублен практически до основания кисти. Зрелище не для слабонервных. Но ни варвар, ни его старый друг таковыми и не были. Велемир, тоже печально глядящий на изуродованную ладонь и палец, а вернее – на то, что от него осталось, вздохнул, словно поняв, что он уже далеко от тех событий, и покачал головой:

– Жутко вспоминать. Но если б не перетянул снова, ещё ту же, верёвкой вот здесь, у локтя, – наёмник потыкал, словно Конан не знал, где предполагается перетянуть, чтоб остановить кровь, – так кровью бы и истёк... Но после того, как слюна чёртовой твари перестала действовать на мою плоть, всё стало мало-помалу затягиваться...

Но обе перетяжки из верёвки пришлось оставить, пока не доскакал до столицы Порбессии, которая, кстати, тоже так и называется – Порбессия. И это хорошо, что правая-то рука, моя рабочая, осталась цела – левой я немного наработал бы да наперевязывал. А потом мне уже в городе знакомый табиб-лекарь зашил всё льняными нитками, и помазал какой-то мазью. Воняла она, конечно, жутко, но кровь действительно – совсем перестала течь. Можно стало наложить обычную повязку, снять жгуты верёвочные, и ждать. Ну, на мне всё заживает (тьфу-тьфу!) быстро. Как на кошке. Правда вот рубцы остались – жуть!.. Уж больно спешил этот табиб. Да и трясся весь от страха. Да ты же видишь!

– Да. Жуть. – Конан снова покивал, – А что – твой наниматель? Ты рассказал ему?

– Ну, нет! Тогда бы пришлось возвращать часть денег, которую нам выдали в качестве аванса! Так что я даже не заехал в свой трактир, где оставил часть снаряжения, про которое думал, что не пригодится в туннелях подземелья. Наплевал на добрый туранский лук, на иранистанский щит, и эти... зингарские вторые сапоги... Ну, те, с сафьяновым шитьём... Прямо от лекаря и двинулся – пока тот не догадался послать слугу к вазиру. Благо, граница этого крохотного госуд-дарства – всего в паре часов езды от Шема. Вот туда, в Шем, и скрылся. И проживал там этот с-самый аванс, пока не зализал, как говорится, раны: телесные и душевные... Эк! – напарник вновь могуче икнул, – Конан, поверь: ты – первый, кому всё это рассказываю! Потому что уж больно не... Ык! Неприятно мне это... Дело. Получается, я «кинул» нанимателя, а с делом не справился. Такой славы о наёмнике идти не должно!

– Это уж точно! Ну, выпьем за нашу удачу, и за то, что мы живы!

– Хвала Мирте Пресветлому! Согласен – Эк! – за эт-то стоит выпить!..

В комнате, куда Конан перетащил практически уже бесчувственного от выпитого вина напарника, расположиться с «удобствами» не удалось: лежак, заменявший кровать, имелся только один, да и тот узкий, как и в комнате самого киммерийца. Варвар, долго не думая, прошёл в свою комнату, и вернулся, волоча меч, походную суму, и свои тюфяк и матрац, набитые относительно свежим сеном. Он кинул их прямо на пол, расположившись по походному: просто, и без «излишеств цивилизации» в виде кровати.

Ночью он два раза просыпался – кое-какие части тела требовали опорожнения от излишне обильных возлияний, и тогда отмечал, что храп Велемира слышно, наверное, в трёх кварталах, а то – и на окраинах крохотного городка, где их свела судьба. Однако кое-кто из его временных партнёров, профессиональных проституток, имевшихся в Тюринфии вообще и Силенсии в частности, в ничуть не меньшем количестве, чем в других городах, где Конан побывал, уверяли его, что он сам храпит ничуть не слабее. Вставал ли для тех же целей Велемир, Конан не знал, потому что периоды между собственными вставаниями для него превра-

щались просто в некую чёрную молчаливую пучину, в которую он проваливался в полном беспомоществе.

Разбудило Конана солнце. И ещё кряхтение: это напарник пытался сесть на своём лежаке. С третьей попытки ему это удалось.

– Привет, Конан. А ты... Спал здесь, со мной?..

– Привет, Велемир. Да, я спал прямо здесь. Потому что двери у чёртова Юркисса снабжены такими отвратительными засовами, что их может открыть куском проволоки любая шлюха! Или ещё какая шустрая сволочь. Ну а поскольку мы с тобой вчера... Не выставили караула, я и перешёл сюда, к тебе – вдвоём-то оно как-то спокойней! Нам ведь совсем не нужно, чтоб нас обчистили. И утащили всё, нажитое непосильным трудом.

Велемир некоторое время смотрел на Конана, моргая заплывшими покрасневшими глазами, но потом до него дошло: он закудахтал, схватившись за живот:

– Конан! «Нажитое непосильным...» Не смеши. А то сейчас лопну...

Тут Велемир, который, как и варвар, спал, не снимая походной одежды, сумел-таки подняться, и отправиться по известному адресу, чтоб действительно – не лопнуть. Конан, усмехнувшись в усы, встал с матраца. Подошёл к окну, выходившему на внутренний двор трактира, второй этаж которого традиционно для такого рода заведений служил гостиницей.

А ничего нового. Солнце, уже поднявшееся над крышей восточного крыла шестиугольной конструкции, светило прямо в глаза, не особенно хорошо, однако, рассеивая полумрак, царивший в узком колодце двора. Мокро блестела брусчатка, которой был выложен сам двор, и висели на натянутых вдоль и поперёк верёвках чьи-то рубашки, штаны и плащи – очевидно кто-то из постояльцев захотел, чтоб жена Юркисса, она же по совместительству и главная прачка, постирала эти предметы туалета. Для чего это нужно, Конан уже не понимал: его вещи после стирки заметно чище не стали, но того факта, что их помочили в воде – отрицать не приходилось.

Вернулся Велемир. Выглядел он странно. Словно ветеран сотен сражений и приключений... Смущён.

– Конан... Слушай, я тебе вчера никаких глупостей не рассказывал?

– Хм-м... Смотря что называть глупостями. Например, рассказ о том, как вы втроём с Нозимом и Рахимом выловили Мессинскую Гидру, мне глупостью не показался. Второй был, если не ошибаюсь, о том, как ты лично «разобрался» с Дондерским разбойником – получело-веком-полубыком. Этот тоже – нормально прошёл. А вот третий, где ты рассказал о том, как потерял мизинец...

– Да? Я всё-таки рассказал?! Мардук его раздери... Конан, слушай, по старой дружбе! Прошу тебя – никому этого не пересказывай, и не говори, ладно?

– А что? Что-то там было не так, как ты мне?..

– Нет. И за палец меня укусили, и заразой какой-то зубы у этого гада оказались заражены, и людей эта, главная, тварь превращала запросто в монстров... Да уж больно мне... Неудобно, что сбежал оттуда, словно за мной миллион демонов преисподней гонятся! Не должен наёмник бегать от своей работы!

– Расслабься, Велемир. Раз ты просишь – вот тебе слово Конана: никому и никогда! И можешь быть уверенным: я вовсе не посчитал, что ты испугался какой-то не то ящерицы – не то – крокодилоподобной магической твари и её прислужников. Нам, наёмникам, работающим на свой страх и риск, так и так приходится рассчитывать только на себя! А если все твои напарники превратились в твоих врагов – так это же совсем другой расклад сил! Не за это вам вообще и тебе в частности выплатили аванс. В такой ситуации, когда остался совершенно один, да ещё ранен, вполне разумно отступить. Временно. Чтоб выработать новый план. Чтоб хотя бы сравнять баланс сил – например, пригласив кого-нибудь себе в напарники.

Кстати – как насчёт этого?

– Чего, Конан? – с утра Велемир явно соображал хуже, чем в обычном состоянии. Впрочем, и сам Конан чувствовал, как у него после вчерашнего кружится голова. Слегка.

– Как – чего? Работа, говорю, не сделана. Точнее – недоделана. Как насчёт этого? Возьмёшь меня в партнёры?

– Конан! Ты это – серьёзно?! Хочешь полезть *туда*?! Ну, нет! В таком случае – уж извини. Ни с тобой, ни без тебя! При всём моём уважении! Я в эту дыру за все сокровища мира больше не сунусь! Жить-то – хочется! Да и хуже, чем смерть, это, это... «Преображение!»

– Вот как. – варвар почесал заросший затылок, подумав кстати, что надо бы избавиться от лишней шевелюры в какой-нибудь местной цирюльне, – Понятно. Но... Ты не будешь сильно возражать, если я тогда один попробую наняться к этому... Мехмету Шестому?

– Нет, Конан, не вздумай! Я и тебя хотел бы удержать от такого... э-э... необдуманного шага! Потому что Конан – ты же самый закоренелый реалист! И понимаешь куда лучше любого воина – против чёрного стигийского колдовства то, чем мы сильны – наши мускулы да мечи! – абсолютно бесполезно! Против магии даже лучшая аквилонская, – Велемир похлопал себя по ножнам кинжала на поясе, – сталь – не страшной зубочистки!

Подумав, что напарник удержал рвущееся на язык слово «глупого», заменив на чуть более нейтральный эпитет, Конан притворно сокрушённо вздохнул:

– Ладно-ладно. При всём моём реализме, и до дрожи обожая себя, любимого, я всё же хочу попробовать. А то деньги кончились – ну, почти! А жить-то – надо!

– Конан! Умоляю! Неужели нельзя найти чего попроще?! Ведь такой прославленный, здоровый и крепкий воин всегда может... ну... Например, наняться сотником к султану того же Кофа! Или пойти в войско эмира Офирского! Да армий только на побережье моря Вилайет – с десятков! И все – сам знаешь: никуда даже против нашего берегового Братства! А ты...

– А я, как ты успел, наверное, заметить, никогда незнакомой и интересной работой не пренебрегал! Особенно, если её считают и сложной... И опасной!

Такая – дороже!

– Ну, это-то на всём побережье, действительно, не знает только совсем уж тупой и глухой: что ты не боишься... Ничего! Но, ради тебя, Конан! Ведь – колдовство же!..

– А ничего, Велемир. Не хочу хвастать, ну уж в чём я за последние пару-тройку лет поднаторел – ну, вот так уж получилось! – так это в борьбе с чёрным и подлым стигийским колдовством. И, как видишь, жив!

Чего нельзя сказать о тех придурках-магах, что имели глупость связаться с Конаном-ким-мерийцем! – Конан гордо ударил могучим кулаком в загудевшую, словно бочка, обнажённую грудь.

Велемир покачал головой. Затем широко ухмыльнулся:

– Вот чего никому и никогда не удастся – так это отговорить тебя, Конан-варвар, от мысли, которая запала тебе в голову!.. И как это я об этом... Словом: делай, что считаешь нужным.

Но уж извини: в этот раз я тебе – не напарник!

Короткая дорога, ведущая в сторону Порбессии, как её описал Велемир, живописностью или разнообразием впечатлений не отличалась. После того, как она четыре дня назад отделилась от общего тракта, ведущего к городам Кушанистана, её и дорогой-то стыдно было называть. Скорее, узкая тропа, натопанная копытами редких верблюдов да коней путников-одиночек, вроде него – не боящихся ни бога ни чёрта.

Голая степь с редкими кустиками саксаула и верблюжьей колючки напоминала, скорее, пустыню, если б не была покрыта пожухлой жёлтой травкой, которая по весне наверняка цвела разноцветными цветочками, и радовала глаз свежей зеленью. Сейчас же, в разгар лета, могла только напомнить о том, что всё земное – лишь тлен и суета.

Не смущаясь такими мыслями, Конан особо не спешил, и вёл своего могучего коня мерным шагом, чтоб не заставлять спокойное животное напрасно потеть, и таким образом тратить лишнюю драгоценную влагу – везти немаленькое тело варвара само по себе достаточно трудное занятие. Бурдюков с водой Конан нагрузил в седельные сумки тоже с запасом: все вместе они весили, пожалуй, лишь чуть-чуть меньше, чем сам варвар. А ведь был ещё и овёс, и оружие, и еда для самого Конана. Так что киммериец ехал спокойно, рано останавливаясь на ночлег, и довольно поздно пускаясь в путь: ему сейчас важна не скорость, а кое-что другое.

Вся же дорога заняла у него всё-таки немного больше того времени, что он планировал: ведь ему пришлось сделать крюк, чтоб заехать в порт Марлезан, и провести там целую неделю, улаживая кое-какие дела. Но теперь дела улажены, и нужно только время, чтоб кое-какие обстоятельства, обусловленные этими делами, пришли в надлежащее... Состояние.

Попутчиков у Конана, к сожалению, не было. Потому что ну вот как-то так получилось, что желающих ехать в Порбессию, или даже просто – в том направлении, не нашлось. Однако Конана это не расстроило: он сам себе и приятный собеседник, и напарник, и бдительный сторож.

Впрочем, за все семь дней, что он, отбыв из Марлезана, провёл на большом тракте, и те четыре, что ехал уже по этой дороге, никто и не подумал на него напасть – ни разбойников, ни придорожных трактиров после того, как он свернул с большой дороги, не попадалось. Впрочем, как и селений. Да и правильно: люди селятся там, где есть вот именно – дороги. И вода. И можно или торговать, или «доить» путешественников и караваны, предоставляя услуги и пищу с ночлегом. Ну, или хотя бы чего-нибудь выращивать. Или добывать – например, медь, серебро, или уголь.

А тут даже колодцев не имелось – песок и песок. Какой смысл селиться?!

Так что деньги, оставшиеся от предыдущей миссии, и после улаживания дел в Марлезане – целых четыре золотых дерхема! – мирно покоились где-то на дне его сильно отощавшего кошелька. Конан не унывал по этому поводу: он вовсе не видел нужды развеивать скуку дракой, беседой, или ночёвкой в очередном питейно-постельном заведении. Что же до женского общества, то ему пока вполне хватало тех воспоминаний, которые осталось после знакомства с профессионалками Силенсии.

Очередную ночёвку киммериец решил устроить недалеко от той отвратительно – а точнее сказать – вообще не наезженной! – тропы, что гордо именовалась дорогой, и которой, судя по следам, пользовались последний раз не меньше пары недель назад. Собственно, как раз об этом его Велемир и предупреждал: пусть этот путь и кратчайший, но из-за отсутствия вот именно – воды и трактиров, ни один уважающий себя купец или путешественник им не пользуется. Большим караванам именно это и нужно в первую очередь: вода, доступная каждый день, чтоб везти на телегах не её, а всё-таки – товар, и удобный и сытный ночлег... Ну, и безопасность. Пусть дорога через Шем и Коф, хоть и занимает на неделю больше – зато она даёт всё это. И безопасна. Сравнительно.

Раскидистый куст саксаула, на который Конан набросил свой плащ, так, чтоб ветер не накидал песка и пыли в его скромный ужин, послужил ему в полной мере: Конан наломал с той его стороны, что уже иссохла, веток для костерка. И сейчас ждал, когда сваренная в небольшом походном котелке, на очаге, сложенном из трёх камней, каша, остынет. Потрескивание веток в костре и стрёкот вездесущих цикад и сверчков не мешали ему чутко вслушиваться в завывания ветра и странные шумы и шорохи летней ночи.

Впрочем, поев и помыв котелок, он вполне мирно, как могло бы показаться стороннему наблюдателю, позволил костру угаснуть, а сам прилёг на расстеленное тут же, под кустом, походное одеяло.

Но ни один, даже самый искушённый, наблюдатель не заметил бы, как Конан одел на себя, закутавшись предварительно в плащ, широкий пояс с десятком метательных кинжалов. И пристроил под изголовье верный Хайбарский меч.

Нападение состоялось спустя два часа после того, как богатырский храп начал оглашать степь-пустыню. Такая отсрочка варвара не удивила: похоже, негодяи, подбиравшиеся к нему под покровом темноты, хотели, чтоб он заснул покрепче!

Однако те, кто посчитал, что беспечный путник, завернувшийся в плащ и мирно храпящий, абсолютно не готов к встрече с ночными визитёрами, сильно ошиблись. Впрочем, возможно их могло бы утешить то соображение, что они были отнюдь не первыми, купившимися на эту неприятную хитрость.

Первых двух нападавших, бесплотными серо-чёрными тенями приблизившихся на десяток шагов, сразило будто невидимой рукой: коротко вскрикнув, они вдруг отлетели назад, грохнувшись навзничь, словно опрокинутые толчком чудовищной силы! Только ну очень внимательный наблюдатель мог бы сказать, что как раз перед этим два блеснувших в свете половинки луны острых стальных зуба вонзились каждому из отлетевших в грудь! Ну а догадаться, что это были кинжалы, одновременно брошенными двумя умелыми и тренированными сильными руками, смог бы только уж совсем опытный профессионал. Которых, как понял Конан, среди ночных посетителей не было.

Поэтому он вскочил, уже не опасаясь стрелы из лука какого-нибудь прикрывающего, или пущенного чьей-то умелой рукой копья, и бросился бесшумной неуловимой молнией вперёд: нападавшие оказались настолько глупы, (Или – сверхосторожны!) что даже не атаковали его с разных сторон. Очевидно боялись, что хруст веток, наваленных Конаном как бы невзначай со стороны холма во время сбора валежника для костра, у которого варвар расположился, может их выдать. Вот и пёрли, словно стадо баранов, со стороны, где проход был более-менее чист и свободен: от дороги!

Разобраться с оставшимися бандитами удалось быстро: разящий, словно молния, мощный меч легко перерубил лезвия дохленьких шемитских сабель, и вот уже их обладатели лежат в лужах собственных кишок и крови, вереща и ругаясь по-турански так, что теперь только глухой не догадался бы, что в дело вступил лучший воин Ойкумены. Впрочем, вой и стоны быстро стихли: Конан сразу рубил так, чтоб второй раз к этим поражённым не возвращаться.

Коренастого крепыша с булавой, молча приготовившегося огреть его с мощного замаха, Конан обезвредил просто: левой рукой метнул в него очередной стальной зуб из тех, что торчали из пояса у него на чреслах! Наконец последнего из нападавших, проявившего недюжинную смекалку, и пустившегося со всех ног наутёк, вихляясь, словно заяц, варвар «достал» тоже просто: кинул очередной кинжал, но уже правой рукой. И – так, чтобы попасть не остриём, а рукоятью.

Ну вот не хотелось Конану бегать по ночной степи! Мало ли: вдруг нога попадёт в какую-нибудь норку тушканчика, или суслика. Или о невидимый в тени холма корень споткнёшься: лечи тогда вывих!

Бросок оказался точен, и удар в затылок напрочь вырубил наивного бедолагу, заставив коротко вскрикнуть, и нырнуть головой вперёд – так, что не будь там, как знал Конан, травы, а случись камень, раскололся бы этот самый череп, словно гнилой орех!

Решив, что этот уже точно пока не убежит, Конан обошёл поле боя, проверяя и обыскивая на всякий случай остальных бандитов, и собирая свои замечательно полезные кинжалы. Те, в кого он попал первыми, оказались мертвей мёртвого. Негодяи, что пытались наброситься на него с саблями, тоже уже не дышали, и не подавали никаких признаков жизни.

Ничего «ценного» или полезного Конан не нашёл: не было даже обычных в таких случаях мелочей, вроде фляг с водой, кошельков или талисманов-оберегов. Этот факт сказал Конану

о том, что банда явно какая-то местная. И прибыла из какого-то селенья, находящегося рядом – там и остались их пожитки, или кони.

Тех, кого он поразил кинжалами первыми, Конан не потрудился даже осмотреть, чтоб проверить дыхание или пульс: знал, что обеим попал прямёхонько в сердце!

Киммериец не торопясь выдернул из тел своё оружие, и отёр об одежду мертвецов: им уже не нужно заботиться об её «аккуратном» виде.

Он оттащил трупы всех четверых подальше – за гребень холма, и сбросил в имевшийся там небольшой лог. Похоронами убитых он заниматься не собирался: пусть гнусных и нападающих исподтишка, словно шакалы, бандитов, и «хоронят» эти самые шакалы. И вороны.

Коренастый крепыш, пытающийся сфокусировать глаза на лице киммерийца, испустил последний вздох прямо на руках Конана: варвар даже не разобрал, что тот хотел и пытался прошептать ему, когда нагнулся, приблизив своё лицо к невысокому телу, опустившись на колени. Собственно, Конан не сильно расстроился: вряд ли грабитель собирался сообщить ему что-то действительно полезное или ценное, скорее просто хотел «осчастливить» на прощанье парой проклятий или ругательств.

Пришлось извлечь свой кинжал, да переправить и этого почившего, пусть и не совсем в мире, бандита к остальным, в любимую яму.

Бэл его раздери, теперь и расспросить-то некого!.. Ну, кроме оглушённого бедолаги. Ладно, в ситуации есть и плюсы: не нужно беспокоиться о тылах, и никого связывать, а затем и конвоировать к местным властям – чтоб всё было, как положено у порядочных наёмников, по Законам. Местным и общечеловеческим.

Конан подошёл к последнему из нападавших, подобрал валявшийся рядом с телом кинжал, и сунул его в ножны. Постоял над лежавшим. Нет, человек не умер, как он было испугался: слабое дыхание вполне явственно слышится. Ну-ка...

Конан пощупал затылок: точно! Шишка на затылке очень даже приличная. А вот подозрительно густые волосы, оказавшиеся под чем-то вроде тюрбана или чалмы из тонкой материи, кровью не пропитались. Значит, защитила от открытой раны эта самая материя. Да и от более серьёзных последствий броска предоохранила. Вот и хорошо.

Конан нацепил тюрбан обратно на голову человека, так и не пришедшего в себя, после чего схватил нападавшего, оказавшегося невысоким, и на удивление лёгким, прямо за широкий и расшитый узорами туранский кушак, и, словно терьер крысу, перетащил к очагу. Сухие дрова, чтоб подкинуть в догорающие угли, у него уже были приготовлены. Осталось положить их на дымящуюся золу, и пару раз могуче дунуть.

Теперь можно было получше рассмотреть и ночного гостя и его странную одежду.

Чёрные очень широкие штаны, чёрная свободная рубаша, словно балахон, мешковато окутывали небольшое тело. Решив, что хуже не будет, варвар снова снял тюрбан, и подложил его под голову женщины. Правда, он не стал прикрывать небольшой рот с губами, изогнутыми изящным луком, полосой материи от этого самого тюрбана, как было сделано до этого.

Не сказать, что он оказался сильно удивлён открывшимся зрелищем: и густые пышные волосы цвета воронова крыла, и высокий и нелепо мелодичный в такой ситуации звук вскрика, и лёгкость миниатюрного тела с очень характерными широкими по контрасту с талией бёдрами и без этого подтверждения сказали ему, что перед ним – женщина.

Осталось привести её в чувство да допросить. Но перед этим...

Связанная по всем правилам бандитка очнулась всё же лишь после того, как Конан во второй раз фукнул ей в лицо водой из рта.

Оказалось, что ругаться женщина предпочитает на туранском, шемитском и зингарском. Конан послушал, послушал, как его костерят на все корки, и... рассмеялся. Сказал на пуштунском:

– Зря расточаешь перлы своего красноречия.

– Ты что, не понимаешь эти языки? – на пушту она говорила, конечно, с акцентом туранки, но понять можно было свободно.

– Отлично понимаю. – Конан теперь перешёл на туранский, – Просто такими примитивными и наивными ругательствами и проклятиями меня не пронять.

– Ты что – бессмертный бог?

– Бери выше. Я – Конан-киммериец.

Некоторое время царило молчание – но по на мгновение расширившимся, а затем сощурившимся в щёлочки глазам Конан понял, что о нём слышали. Впрочем, женщина оказалась реалисткой:

– Ты прав. Если то, что про тебя рассказывал – правда, (А я смотрю – так оно и есть!) тебя словами не пронять. Тут помогло бы дюймов десять стали, вонзённые тебе в живот! И чтоб ещё попроворачивать их там! А ещё лучше – чтоб тебя посадили на кол! Или сожгли на костре! Или четвертовали – как предателя! Или...

– Не нужно женщине, – перебив, Конан выделил это слово, – быть столь кровожадной. Ведь единственное, что вы умеете делать более-менее хорошо – это рожать детей. Нечего было лезть в мужское дело, вот и не встретились бы. А если среди этих уродов, которые, словно подлые трусы, исподтишка нападают на несчастных путников, были твои родные или близкие – тем хуже для них. Коварных негодяев и бандитов я никогда не жаловал. Просто пятью мерзавцами на свете стало меньше. А путь в Порбессию – безопасней.

Женщина выверилась, да так, что изо рта полетели брызги слюны:

– Кто бы говорил тут про мерзавцев!.. Это ты – гнусная тварь! Монстр! Волосатая обезьяна! Чудовище, убивающее всех без разбора! Твои руки по локоть в крови! Убийца! Бандит! Проклятый наёмник! – тут она сделала паузу, чтоб перевести дух, а заодно и плюнула Конану в лицо, – Будь ты проклят! Да чтоб тебя Мардук!.. – в этом месте Конан, логично посчитавший, что выслушивать однообразный и не несущий никакой полезной информации трёп, смысла нет, воткнул в попытавшийся укусить его за пальцы рот, кляп. Который закрепил той самой полосой материи, отрезав её от чалмы-тюрбана, и стянув двойным узлом. После чего вытер как ни в чём ни бывало брызги её слюны с лица и пальцев, об одежду самой женщины. На лице он старался сохранять равнодушно-спокойное выражение. Но смеяться хотелось очень.

Некоторое время кроме неразборчивого, но очень активного прерывистого мычания и приглушённого рёва ничего слышно не было. Однако убедившись, что на лёгшего вновь на своё одеяло и отвернувшегося Конана оно никакого впечатления не производит, женщина сменила тактику.

Теперь из-под кляпа слышались ну очень убедительные и жалобные рыдания.

Однако ещё через пять минут, поняв, что «волосатой обезьяне» и на них наплевать, женщина просто замолчала. Похоже, пыталась понять, как же ей заставить чёртова беспринципного и жестокого «монстра» вынуть ей кляп изо рта – чтоб можно было хотя бы попытаться «заговорить ему зубы».

Конан, прекрасно осведомлённый о такой стратегии, свойственной, что бы они о себе там ни мнили, буквально всем существам, носящим юбки, позволил себе ехидно усмехнуться: лицо было отвёрнуто от пленницы, и он знал, что она не увидит этой ухмылки.

Но ещё через пять минут, поняв по чуть слышному кряхтению и подозрительным скрипам, что происходит что-то странное, он развернулся. И вовремя. Потому что женщине ещё не удалось разрезать до конца верёвку на руках, связанных за спиной, крохотным кривым ножичком, неизвестно откуда ей выуженным.

Вздохнув, Конан кинжальчик отобрал, после чего, уже не стесняясь, женщину тщательно обыскал: новых сюрпризов ему не хотелось. Связанная свирепо рычала, явно ругалась, дёргаясь всем телом, которое Конан теперь упаковал понадежней, привязав ещё и её ноги к кистям

рук. Женщина наверняка снова осыпала его отнюдь не комплиментами, которых Конан, и без того не страдавший излишним тщеславием, к счастью, не разобрал. Покачав головой, он сказал:

– Зарекался ведь. Обыскивать вашего брата – вернее, вашу сестру! – невзирая на вашу «природную стыдливость», приличия, и прочие нормы общечеловеческой, так сказать, морали. Ну вот теперь могу в очередной раз попенять себе, от природы очень стыдливому и целомудренному. И порадоваться: ни заколка с шипом, ни игла с ядом, ни второй ножичек мне больше не страшны. Не без удовлетворения могу сделать тебе комплимент: тело у тебя на редкость стройное. Я бы даже сказал – несколько *излишне*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.